

СТРОИТЕЛЬСТВО ГОРОДОВ И ОСТРОГОВ ЗАБАЙКАЛЬЯ И ПРИАМУРЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII-XVIII ВЕКЕ И ТИПЫ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ

Организация строительства городов и острогов в Забайкалье и Приамурье, как и во всей Сибири, за очень редкими исключениями, имела строго установленный царской администрацией порядок. Почти всегда вместе с артелями "промышленных людей" или вслед за ними в новые земли направлялись служилые люди¹. Именно они, в соответствии с инструкциями Сибирского приказа, поступавшими в приказные избы городов и острогов, возводили на присоединенных к России территориях укрепленные поселения различных типов. Эти поселения становились административными центрами округа, куда свозилась меховая дань с обьясаченных аборигенных племен и где взималась пошлина с добывавших и скупавших меха торгово-промышленных людей. Несомненно, что только быстрое сооружение на достаточно профессиональном уровне экономических и обороноспособных крепостей могло обеспечить те высокие темпы русской колонизации Сибири, которые и поныне удивляют специалистов².

Основные этапы становления и развития позднесредневекового оборонного зодчества Московской Руси к настоящему времени хорошо исследованы. В конце XV в. оборонительные сооружения русских крепостей приобретают так называемую регулярную планировку, т.е. планировку, имевшую правильную геометрическую структуру и позволявшую вести фланкирующий огонь вдоль крепостных стен на любом участке периметра обороны³. Долгое время в отечественной литературе господствовало мнение П.А. Раппопорта о начале этого процесса еще в середине XV в.⁴. Однако новое обследование остатков крепостей в Псковской земле, изучение которых стало основой для выводов ученого, показало их несостоятельность⁵. На сегодняшний день представляется несомненным, что в России первой крепостью "регулярной" планировки был Ивангород, возведенный по приказу Ивана III в 1492 г.⁶ В XVI столетии крепости такой планировки становятся основным типом оборонительных укреплений на Руси⁷. Среди них, как и прежде, преобладали деревянные, однако вполне приспособленные для защиты от артиллерии. Стены этих крепостей имели конструкцию в виде "городен" или "тарасов". Первые состояли из прямоугольных деревянных срубов, которые ставили вплотную друг к другу и заполняли землей с камнями. Конструкция вторых представляла собой две параллельные стены, соединенные перемычками, пространство между которыми также засыпалось землей.

Организация строительства и типологические особенности крепостей XVI-XVIII вв. в Европейской России и Сибири изучены достаточно подробно. Исследователи единодушны во мнении о существовании в этот период общей для всей страны системы организации строительства новых укреплений. Эта система была выработана приказной администрацией в XVI в. Она предусматривала предварительное обследование избранного для строительства района и составление чертежей наиболее подходящего места для возведения крепости, а нередко и сметы предстоящих расходов, которые затем утверждались в Москве, отсюда же зачастую присылался и градоделец⁸. Так было организовано строительство Свияжска (1551 г.)⁹, городов Полоцкой земли - Туровля, Суша, Усвят, Красна, Козьяна, Сокола, Ситна (1565-1571 гг.)¹⁰, Царева-Борисова (1600 г.), Козлова (1636 г.)¹¹ и многих других.

Порядок сооружения городов и острогов в Сибири и на Дальнем Востоке был несколько иным. Отдаленность этих территорий не позволяла присылать проекты возводимых там укрепленных поселений для согласования в Москву. Однако получение разрешения на строительство было строго обязательным. Обычно его испрашивали у воеводы или приказного человека того острога, из которого отправлялся осваивать новые земли отряд первопроходцев. Приказные люди острогов сразу же сообщали о своих действиях воеводам уездных городов, а

Артемьев Александр Рудольфович, доктор исторических наук, заведующий лабораторией Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

те - в Сибирский приказ, где их инициатива, как правило, получала высочайшее одобрение. Чертежи или описания возводимых на присоединенных землях укреплений, а чаще - и то, и другое, в обязательном порядке пересылались в Москву. Именно таков был порядок возведения и перестройки крупнейших городов Сибири-Тобольска, Верхотурья, Тюмени, Томска, Енисейска, Илимска, Якутска и Иркутска¹². Основание острогов без согласования с Москвой было случаем довольно редким и зачастую заканчивалось уничтожением уже поставленных городков¹³.

Изучение истории основания дальневосточных острогов, с одной стороны, демонстрирует следование общерусским нормам градостроительства, а с другой - позволяет отметить исключения из них.

Освоение Восточного Забайкалья началось с похода отряда казаков во главе с землепроходцем П.И. Бекетовым, которые в соответствии с наказом енисейского воеводы А.Ф. Пашкова возвели Иргенский и Шилский (предшественник Нерчинска) остроги. 31 января 1655 г. строитель Шилского и участник возведения Иргенского острожков пятидесятник М.С. Уразов, посланный с соболиной казной в Москву, подал в Сибирский приказ отписку енисейского воеводы А.Ф. Пашкова о возведении в 1653 г. в Забайкалье двух первых острогов¹⁴. О чертежах в отписке воеводы не упоминается, по-видимому, присутствие непосредственного участника строительства делало их наличие необязательным.

Возведение Нерчинского острога летом 1658 г. было осуществлено в лучших традициях русского градостроительного искусства. Весной этого года казаки во главе с А.Ф. Пашковым, назначенным воеводой "в Китайской и Даурской землях", заготовили и связали в плоты "двести сажень острогу" и восемь башен¹⁵, а затем сплавляли их по рекам к месту строительства острога. Часть этого строевого леса унесло при сплаве. Служилые люди сообщали, что от Комаринского острожка до Албазинского городища "по Амуру де реке, по островам и по берегам видели, что лежит многой лес церковной, и острожной, и башенной, и то де они чают, что тот лес рознесло от Офонася Пашкова¹⁶". Совершенно очевидно, что Нерчинский острог был срублен, собран, а затем разобран и связан в плоты на р. Ингоде в районе будущего Читинского острога. Сборное строительство на Руси ведет свое начало от возведения в 1551 г. города Свияжска, который был срублен в верховьях Волги, а затем перевезен на Круглую гору в 20 км от Казани, где стал военной базой готовящихся к ее взятию русских ратей¹⁷. Все остальные остроги в Нерчинском воеводстве - Телембинский (1658 г.), Еравнинский (1675 г.), Итанцинский (1679 г.) и Аргунский (1681 г.) - возводились с разрешения и под руководством представителей воеводской администрации.

В тех случаях, когда Сибирский приказ не удовлетворяли описания острогов, предоставленные служилыми людьми, у воевод запрашивалась дополнительная информация. Так, в ноябре 1672 г. по государеву указу и по наказной памяти тобольского воеводы князя И.Б. Репина был послан из Тобольска в Селенгинский острог драгунского строя капитан С.В. Поляков "для дозору новаго острогу, и каковы в нем крепости и около его какие есть угодыя". В 1673 г. капитан Поляков добрался до Забайкалья и составил дошедшее до нас подробное описание Селенгинского острога и его окрестностей, а также чертеж острога. В июле 1674 г. он был отправлен в Москву вместе с представленным им "списком досмотру и чертежам всяким крепостям"¹⁸. После возведения весной 1685 г. в Селенгинске новой крепости чертеж города был послан воеводе кн. К.О. Щербатову в Енисейск¹⁹.

Иначе возводились первые русские острожки в Приамурье, освоение которого началось отрядом во главе с Е.П. Хабаровым в 1649 г. Первый - Ачанский - был настолько примитивен, что только исключительное мужество казаков позволило отстоять его и победить напавших в марте 1652 г. маньчжуров. Позже участники похода ставили в вину Е.П. Хабарову то, что "почал он, Ярофей, зимовать, не поставя ни острогу, ни крепости. И тут мало наших голов не потерял<...> а пушкам ни роскатов, ни быков не поставил, а поставил среди улицы просто"²⁰. Настоящим укреплением был следующий острог, возведенный в том же году отколовшейся от Хабарова группой казаков, которые поставили его "з башнями и тарасы зарубили и хрящем насыбали для ради иноземсково приступу". Однако Е.П. Хабаров велел его сжечь²¹. Приказная администрация кроме строительства крепостей не представляла себе иного способа закрепления за Российским государством новых земель. Поэтому недовольство действиями Хабарова было predetermined. Прибывший на Амур с проверкой в августе 1653 г. Д.И. Зиновьев потребовал, чтобы казаки поставили "на Шилке реке, на усть реки Зеи, да на усть реки Урки, под Даурским волоком для приходу государевых людей остроги"²².

Тем не менее первый относительно долговременный острог был возведен казаками (которых после отъезда Хабарова в Москву возглавил О. Степанов) только в ноябре 1654 г. на

острове, образуемом двумя рукавами впадающей в Амур р. Комара (Хумаэрхэ). Этот острог был дерево-земляным с подобиями бастионов - "быками" - по углам и был способен противостоять пушечному бою²³. Строительство острога было обусловлено надвигающейся опасностью нападения со стороны маньчжуров. Последние безуспешно осаждали его с 13 марта по 4 апреля 1655 г. и с большими потерями вынуждены были отступить. В июне 1655 г. казаки покинули Комарский острожек. Зимой 1655/56 г. они провели в Косогирском остроге, ниже устья притока Амура р. Сунгари, а следующую - в Куминском острожке также на Нижнем Амуре. Это были временные укрепления, сведений о конструкции и точном местонахождении которых не сохранилось.

Приказ Д.И. Зиновьева о строительстве острогов не был выполнен не только в силу таких объективных причин как нехватка оружия и продовольствия²⁴, но и вследствие казачьего самоуправления в Амурском войске. Именно войско на казачьем круге еще в июне 1654 г. отказало от есаульства Т. Никитину и С. Захарову, которых назначил есаулами Д.И. Зиновьев²⁵, что было вызвано, несомненно, несогласием есаулов с действиями О. Степанова, упорно продолжавшего вместо строительства острогов разъезжать по Амуру в поисках легкой добычи. В конце концов это привело к тому, что 30 июня 1658 г. казаки были атакованы превосходящими силами маньчжуров и разгромлены. В бою погибло 220 служилых людей, а О. Степанов попал в плен. В итоге до воеводы А.Ф. Пашкова, в распоряжение которого должен был поступить отряд Степанова, добрались только 17 человек, а еще около 200 служилых людей разными путями ушли в Якутск и в Енисейск²⁶.

Албазинский острог был возведен в 1665-1666 гг. группой казаков и крестьян во главе с Н.Р. Черниговским. Эти люди на Лене, в устье р. Киренги убили притеснявшего их илимского воеводу Л.А. Обухова и бежали на Амур от расправы²⁷. Естественно, что никакого разрешения на строительство острога они ни у кого не получали. О том, что представлял собой Албазинский острог, нерчинская администрация узнала только в 1674 г. из "Росписного списка Албазинского острога, составленного сыном боярским Семеном Вишняковым по принятии его от прикащика Никифора Черниговского"²⁸. Дело в том, что в 1672 г. Н.Р. Черниговский и семнадцать заочно приговоренных к смерти его товарищей были прощены и вместе со всеми находившимися тогда в Албазине гулящими людьми поверстаны в государеву службу. Очевидно сибирские власти по достоинству оценили факт возведения казаками острога, закреплявшего присоединение к России Верхнего Приамурья, а также ежегодно присылаемый из Албазина ясак²⁹. Тем не менее казачий круг в Албазине сохранил выборность атамана (им стал все тот же Н.Р. Черниговский) и мало считался с присылаемым из Нерчинска приказчиком. По-видимому, именно последнее обстоятельство заставило нерчинскую администрацию разрешить албазинцам выбирать приказчика из своей среды. Такая практика не способствовала поддержанию в остроге порядка. В 1681 г. нерчинский воевода Ф.Д. Воейков был вынужден сделать управляющим Албазинским острогом своего сына А.Ф. Воейкова. Под его руководством силами служилых и "промышленных" людей весной 1682 г. там был возведен новый острог. Причем полное описание всех укреплений, которые предстояло построить, с указанием размеров он послал отцу в Нерчинск еще в ноябре 1681 г.³⁰ Надо думать, существовал и план проектируемой крепости. Во всяком случае ее описание 1684 г. свидетельствует о том, что проект был реализован с незначительными отклонениями в размерах башен.

В эти годы контроль над возведением в Приамурье новых острогов осуществлялся администрацией Сибирского приказа. В 1681 г. из Нерчинска на реки Зею и Селемджу с инспекционной поездкой был послан И.М. Милованов. В указе, поступившем из Москвы на имя посланного Ф.Д. Воейкова, говорилось: "из Албазинского острога на Селенбу реку послать, кого пригоже, и на Селенбе реке, где доведется быть острогу, досмотрить и описать накрепко и учинить чертеж, да будет по досмотру к описи то место от Даурских острогов и от новопоставленного Зийского острогу и от иных острогов не в дальних и в крепких местех, и в том месте <...> на Селенбе реке велено острог поставить"³². Уже через год Ф.Д. Воейков доложил царю: "писал ко мне, холопу твоему, с Зии реки из Зийского острогу нерчинской сын боярской Игнатий Милованов и прислал в Нерчинской острог чертеж и зийских и селенбинского острогов ясачных зимовей и пахотной земле; и я, холоп твой, тот Игнатъев чертеж и роспись наперед сего в нынешнем во 190 году марта в 22 день послал к тебе, великому государю, к Москве"³³.

В августе 1685 г. нерчинский воевода И.Е. Власов направил А.Л. Толбузина восстанавливать сожженный маньчжурами в июне Албазинский острог и велел ему, "что около того новопоставленного острогу или городу учинено будет всяких крепостей, и тому всему (...) учинить

образец или чертеж послать к великим государем к Москве в Сибирский приказ". Первый и последний воевода Албазинского острога А.Л. Толбузин выполнил наказ, и в декабре того же года И.Е. Власов доложил енисейскому воеводе кн. К.О. Щербатову, что отправил к нему "городовой Албазинский деревянный образец и служилых людей, которые посланы с тем образцом из Албазина к великим государем в Москве"³⁴. Изготовление макета уже построенной крепости для XVII в. событие уникальное. Известны лишь редкие случаи создания моделей-"образцов" храмов, а также образцов отдельных фрагментов укреплений в натуральную величину³⁵.

Новый этап в строительстве городов в Забайкалье приходится на время пребывания там в 1687-1690 гг. русского посольства Ф.А. Головина. Летом 1688 г. полк московских стрельцов во главе с полковником Ф.И. Скрипицыным построил острог вокруг Ильинской слободы, а два других полка под командованием полковников П. Грабова и А. фон Шмаленберга возвели из городен новую крепость в Удинске, а слободы вокруг него огородили тройным рядом надолб. Тогда же башни Селенгинска были укреплены обрубками, а вокруг посада сооружены надолбы и ров³⁶. Заключительным актом градостроительной деятельности Ф.А. Головина в Забайкалье было возведение осенью 1689 г. новых оборонительных сооружений в Нерчинске "на старом острожном месте", где три стены были поставлены прибывшими с послом стрельцами, а четвертую велено было "строить нерчинским старым конным казаком и всяких чинов жителем"³⁷.

Следующий период активного градостроительства в Забайкалье был вновь связан с дипломатическими контактами между Россией и Китаем. В 1726-1728 гг. инициатором постройки новых и реконструкции старых крепостей стал посол граф С.Л. Владиславич-Рагузинский. Он лично занялся поисками нового места для Селенгинской крепости. По его указанию были созданы проекты новых крепостей: напротив старого Селенгинского острога и на Чикойской стрелке, где стояли амбары под товары для караванной торговли с Китаем, а также на месте Троицкой, Кяхтинской и Цурухайтуевской слобод³⁸. Качественно новым явлением было обозначение на чертежах практически всех проектируемых административных и гражданских построек. Можно сказать, что каждый проект по существу предопределял основные функции и официальный статус строящегося поселения. Не все планы С.Л. Владиславича-Рагузинского были претворены в жизнь. Селенгинск, который должен был строиться высланный из столицы за принадлежность к оппозиции против А.Д. Меншикова Абрам Петров (прадед А.С. Пушкина - А.П. Ганнибал), остался на прежнем месте, а Цурухайтуевскую слободу не возвели вовсе. Однако Петропавловская крепость на Чикойской стрелке, Троицкая на р. Кяхте и сама Кяхтинская слобода были построены солдатами Тобольского полка во главе с полковником И.Д. Бухгольцем почти в полном соответствии с проектными чертежами³⁹.

На этом процесс возведения новых городов в Забайкалье был завершен. В дальнейшем появление новых городов там было связано с изменением административного статуса уже имевшихся поселений без существенного преобразования их внешнего облика и застройки.

Исследователям известны три основных типа оборонительных сооружений, распространенные восточнее Уральского хребта. Это - зимовье, острог и город⁴⁰. Все они возводились русскими землепроходцами в процессе освоения Забайкалья и Приамурья. Наиболее простыми по конструкции и незначительными по размерам были зимовья, по существу являвшиеся маленькими острогами. Обычно они представляли собой избу с боевой надстройкой (например, Верхозейское и Долонское зимовья). Более сложным видом зимовья были укрепления, состоявшие из нескольких таких изб, соединенных стенами, и образующие небольшой закрытый двор (например, Еравнинское, Селенбинское или Итанцинское зимовья). Вопрос о происхождении укреплений этого типа решается исследователями по-разному. Н.П. Крадин полагает, что зимовья возникли "в специфических условиях Сибири"⁴¹. С.Н. Баландин и Н.Н. Филиппова считают зимовье рудиментом "древнейшего русского наземного (или полуподземного) жилища"⁴². Между тем сторонники обеих точек зрения не учли в своих работах материалы Европейской России: прототипом зимовья вполне могли послужить как сельская феодальная усадьба, вроде раскопанной В.В. Седовым на Смоленщине Воищины (середина XIII в.)⁴³ или возведенной в 1661 г. в вотчине боярина Б.И. Морозова с. Мурашкине Нижегородского уезда⁴⁴, так и городские дворы-усадьбы в Новгороде X-XV вв. (наиболее изученные⁴⁵), а также в Москве⁴⁶, где, как известно, князь Д.М. Пожарский в 1611 г. успешно оборонялся от поляков "в своем дворе". В условиях Сибири для таких дворов, как и в Северной Руси, было характерно компактное расположение построек, имевших между собой жесткую связь⁴⁷, что типологически еще больше сближает их с зимовьями⁴⁸. О несомненно общих корнях дворов-усадоб в европейском и сибирском регионах свидетельствуют также более

поздние этнографические материалы. Сходство трехрядных усадеб псковского и замкнутого сибирского типов уже отмечалось⁴⁹.

Более совершенным типом оборонительных сооружений в Сибири и на Дальнем Востоке были остроги. Именно с острожных укреплений началось строительство крупнейших поселений Забайкалья и Приамурья - Баргузинска, Нерчинска, Селенгинска и Албазина. В отличие от зимовий, гражданские постройки в острогах - избы и амбары - за редким исключением не имели оборонительных приспособлений. Все защитные функции в них выполняли стены и башни. Заостренные тынины вкапывались в землю вплотную друг к другу и скреплялись горизонтальными связями, образуя тыновые стены. По справедливому мнению Н.П. Крадина, "широкому распространению тыновых стен в сибирских крепостях способствовали, во-первых, быстрота и простота устройства, а во-вторых, отсутствие у нападавших огнестрельного оружия"⁵⁰. Обычно тыновые стены сочетались с земляным валом и усиливались несколькими башнями. Однако были остроги и без башен, как например, Аргунский⁵¹. В Европейской России собственно тыновые остроги в XVII в. возводили довольно редко: обычно острожные стены составляли уже вторую, зачастую временную линию обороны вокруг разросшегося городского посада, как это имело место в псковских пригородах - Опочке и Красном.

Наиболее совершенным типом укреплений были "города", стены которых состояли из уже описанных городен или Тарасов. Именно после сооружения таких укреплений остроги начинали называть городами (до тех пор, пока этот термин не приобрел социального значения и не стал присваиваться официально, независимо от конструкции крепостных стен). Так, в 1684 г. приказчик Селенгинского острога И. Поршенников получил от енисейского воеводы указание "в Селенгинску около старого острогу сделать по городовому стены рубленые новые, с тарасы и с выходы и с верхними боями, со всякою городовою крепостию"⁵³. В 1689 г. посол Ф.А. Головин доложил в Москву царям Ивану и Петру Алексеевичам о том, что опасаясь прихода маньчжурских войск, "построили мы, холопы ваши, полковыми стрельцы в Нерчинску город на старом острожном месте"⁵⁴.

Городни и тарасы в крепостях за Уралом существенно отличались от укреплений Европейской России: если в последних они, как правило, засыпались "хрящом", т.е. землей, песком и камнями⁵⁵, то в первых почти никогда. Городни и тарасы в сибирских крепостях повсеместно использовались под жилые помещения, под аманатские избы и с прочими невоенными целями. Такие случаи зафиксированы и в Европейской России еще в древнерусский период, но здесь они были исключением, а не правилом⁵⁶. Несомненно, что это отличие было связано с отсутствием необходимости в защите сибирских городов от артиллерии, разрушительную силу ядер которой гасило заполнение городен и Тарасов. Первопроходцы столкнулись в Сибири и на Дальнем Востоке с народами, не знавшими огненного боя и не умевшими вести правильную осаду крепостей, но превосходившими их численно. Поэтому они должны были защитить себя прежде всего от опасности прямого штурма, в чем преуспевали. Практика максимального использования при строительстве крепостей защитных свойств естественного рельефа местности, уже отжившая свой век в Европе, получила в Сибири и на Дальнем Востоке широкое распространение. По сути все города и остроги в Забайкалье и в Приамурье были возведены при устьях или в излучинах рек. Однако на Амуре первопроходцы столкнулись с маньчжурами, имеющими на вооружении пушки. Именно поэтому там впервые на Дальнем Востоке в ноябре 1654 г. в устье правого притока Амура - р. Хумаэрхэ — был возведен дерево-земляной Комарский острог. Но в дальнейшем этот положительный опыт был забыт. Тыновые стены Албазинского острога, исследованные нами в 1989-1990 гг., оказались не в состоянии противостоять в июне 1685 г. разрушительной силе маньчжурских ядер, и его защитники вынуждены были капитулировать⁵⁷. К счастью, албазинский воевода А.Л. Толбузин был знаком с новейшими достижениями в деле строительства крепостей и осенью того же года "зделал земляного города в ширину 4 сажени печатных, а в вышину полторы сажени печатных же"⁵⁸. Дерево-земляные укрепления Албазина были усилены "бастеями" - выступавшими за линию валов платформами, которые обеспечивали фланговый огонь орудий, более эффективный, чем пушки на башнях. Конструкция, состоявшая из земляной насыпи, укрепленной плетнем, называлась на Руси "китай-городом". Своим названием она обязана первому сооружению такого рода в России - московскому Китай-городу, заложенному в 1534 г. Петроком Малым⁵⁹. Эти несложные укрепления прекрасно защищали от пушечных ядер, которые вязли в них. Дерево-земляные укрепления в Сибири в XVII в. были единичны. В.И. Кочедамов отмечает постройку дерево-земляных укреплений в 1668 г. в Кузнецке и в 1688 г. в Тобольске⁶⁰, но заметное распространение они получили только на юге Западной Сибири. Первые крепости бастионного типа были возведены там во втором десятилетии XVIII в., а

начиная с 1740-х гг. из них там начали создавать целые защитные линии⁶¹. Далеко на востоке, особняком от этого ряда, стоят укрепления Нерчинска, где в 1754-1755 гг. по приказу будущего губернатора Сибири Ф.И. Соймонова были возведены два земляных бастиона, обследованные нами в 1990 г. Их строительство было связано с деятельностью секретной Нерчинской экспедиции 1753-1765 гг., целью которой было открытие судоходства по Амуру, строительство в его устье верфи и военно-морской базы для последующего присоединения к России новых земель⁶².

Подводя итоги, можно сказать, что оборонное зодчество в Забайкалье и Приамурье вобрало в себя лучшие традиции градостроительного искусства Европейской России. Однако там одновременно возводили как укрепления уже отживших в Европе типов, так и наиболее совершенные для того времени. По мере освоения этого обширного края во второй половине XVII в. служилые люди строили, в зависимости от преследуемых целей и исходя из своих возможностей, наиболее простые и экономичные укрепленные пункты - ясные зимовья или остроги. Некоторые остроги в дальнейшем получили укрепления в виде городен или Тарасов и стали именоваться в приказной документации "городами". Дерево-земляные крепости и бастионы возводились в этот период только там, где возникала угроза столкновения с войсками маньчжурского Китая, вооруженными пушками. В XVIII в. крепостные сооружения в Забайкалье продолжали возводить скорее по инерции, чем ввиду реальной опасности чьего бы то ни было нападения. Термины "город" и "острог" с конца XVII в. приобретают социальное и административное значение, о чем свидетельствует получение Кабанском не позднее 1692 г., Читинском - в 1711, а Сретенском - в 1714 г. статуса "острогов" без строительства вокруг них каких бы то ни было укреплений⁶³. Поэтому все возведенные в XVIII в. оборонительные сооружения в Забайкалье имеют нейтральное название "крепость".

Примечания

- ¹ Никитин Н.И. Военнослужилые люди и освоение Сибири в XVII веке // История СССР. 1980. №2.
- ² Gibson J.R. The Rush to Meet the Sun: An Essay on Russian Eastward Expansion // Siberica. 1990. V. 1. N. 1.P. 73.
- ³ Косточкин В.В. О "регулярной" планировке в крепостной архитектуре Русского государства // Ежегодник Института истории искусств АН СССР за 1957 г. М., 1958. С. 85; Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X-XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 105. 1961. С. 180-183.
- ⁴ Раппопорт П.А. Указ. соч. С. 86, 241, 247; его же. Оборонительные сооружения Древней Руси // Вопросы истории. 1970. № 11. С. 62.
- ⁵ Артемьев А.Р. К вопросу о типологии крепостного зодчества в Псковской земле XV в. // Советская археология. 1990. № 3.
- ⁶ Косточкин В.В. Крепость Ивангород // Материалы и исследования по археологии СССР. № 31. 1952.
- ⁷ Его же. Русское оборонное зодчество конца XIII - начала XVI в. М., 1962. С. 175.
- ⁸ Там же. С. 62-66; Косточкин В.В. К вопросу о традициях и новаторстве в русском зодчестве XVI-XVII вв. // Архитектурное наследство. № 27. 1979. С. 29-32; Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974. С. 33, 35; его же. Начало русского каменного строительства в Сибири // Сибирские города XVII - начала XX века. Новосибирск, 1981; Алферова Г.В. Организация строительства городов в русском государстве в XVI—XVII веках // Вопросы истории. 1977. № 7; ее же. Русские города XVI-XVII вв. М., 1989. С. 107; Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М., 1978. С. 35; Елифанов П.П. Крепости // Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. М., 1979. С. 294; Кириллов В.В. Сибирский приказ и его роль в организованном строительстве городов на новых землях // Архитектурное наследство. № 28, 1980; его же. К проблеме изучения древнерусского города XVI-XVII вв. // Русский город (исследования и материалы). Вып. 7. М., 1984. С. 22; его же. Организованное строительство городов в Московском государстве // Русское градостроительное искусство. М., 1994. С. 7-11.
- ⁹ Каргер М.К. Крепостные сооружения Свияжска // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 34. Вып. 3. Казань, 1929.
- ¹⁰ Косточкин В.В. Из истории русского оборонного строительства XVI в. Новые данные о полоцких крепостях времени Ивана Грозного // Архитектурное наследство. № 18. 1969.
- ¹¹ Алферова Г.В. Русские города XVI-XVII веков. С. 107, 115, 118-120, 122, 124-126.

- ¹² Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. С. 33; его же. Начало русского каменного строительства в Сибири. С. 176, 177, 190-193.
- ¹³ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1.М.; Л., 1937. С. 22; Т. 2. М.; Л., 1941. С. 200, 201.
- ¹⁴ Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Вып. 1. Улан-Удэ, 1960. С. 203-208.
- ¹⁵ Крадин Н.П., Тимофеева М.Ю. О дате основания Нерчинского острога // Вопросы истории. 1988. № 1.С. 171.
- ¹⁶ Дополнения к актам историческим (далее: ДАИ). Т. 4. СПб., 1851. С. 176.
- ¹⁷ Бобков А.С. Сборное строительство на Руси в XVI в. // Труды Института естествознания и техники. Т. 7. М., 1956. С. 113.
- ¹⁸ Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария // Записки Имп. Русского географического общества по отд. этнографии. Т. 10. Вып. I. СПб., 1882. С. 158-164.
- ¹⁹ ДАИ. Т. 10. С. 315.
- ²⁰ Полевой Б.П. Известная челобитная С.В. Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII-XIX вв. (историко-археологические исследования). Т. 2. Владивосток, 1995. С. 36, 37.
- ²¹ Там же. С. 41,42.
- ²² Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову на воеводство в Даурской земле 1665 г. // РИБ. Т. 15. С. 4; Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. 1. 1608-1683. М., 1969. С. 239,241.
- ²³ Артемьев А.Р. Новый памятник русских первопроходцев на верхнем Амуре // Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1990. С. 170.
- ²⁴ ДАИ. Т. 4. С. 28, 29, 35, 37; Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. 1. С. 206, 207, 209, 210.
- ²⁵ ДАИ. Т. 3. С. 527.
- ²⁶ Там же. Т. 4. С. 176, 177, 260, 261; Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. 1. С. 234, 235, 238-241.
- ²⁷ ДАИ. Т. 8. С. 275, 276; Александров В.А. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в. // Исторические записки. Т. 59. 1957. С. 276.
- ²⁸ Паршин В.П. Поездка в Забайкальский край. Ч. 2. Приложения. СПб., 1844. С. 138.
- ²⁹ ДАИ. Т. 8. С. 275, 276.
- ³⁰ Паршин В.П. Указ. соч. С. 145, 146.
- ³¹ Крадин Н.П. Роспись Албазинского острога 1684 г. // Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион. 1992. №2.
- ³² ДАИ. Т. 7. С. 368.
- ³³ Там же. Т. 9. с. 214.
- ³⁴ Там же. Т. 10. С. 253, 254.
- ³⁵ Косточкин В.В. К вопросу о традициях и новаторстве... С. 31-33.
- ³⁶ Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. 2. 1686-1691. М., 1972. С. 291, 348.
- ³⁷ Там же. С. 618, 619.
- ³⁸ РГАДА, ф. 192, № 70 (Чертеж Селенгинской крепости); № 77 ("Чертеж новопостроенной крепости на Чикойской стрелке, где караванные амбары"); № 74 (Чертеж Новотроицкой Кяхтинской крепости); № 76 ("Чертеж торговой новопостроенной Кяхтинской слободы"); № 72 ("Чертеж новопостроенной торговой слободы при реке Аргуне в Нерчинском уезде").
- ³⁹ Там же. № 89, № 73.
- ⁴⁰ Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. С. 9-19; Кочедамов В.И. Указ. соч. С. 35; Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988. С. 74.
- ⁴¹ Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. С. 7.
- ⁴² Баландин С.Н., Филиппова Н.Н. Жилища русских первопроходцев в Сибири в XVII-первой половине XVIII в. // Городская культура Сибири: история, памятники, люди. Новосибирск, 1994. С. 91.
- ⁴³ Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII-XV вв.) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 92. 1960. С. 51-62. Рис. 27.
- ⁴⁴ Рабинович М.Г. Русское жилище в XIII-XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975. С. 203.
- ⁴⁵ Засурцев П.И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. № 123. 1963.
- ⁴⁶ Рабинович М.Г. О древней Москве: Очерки материальной культуры и быта горожан XI-XVI вв. М., 1964. С. 228-232.
- ⁴⁷ Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI-XVII вв. Ч. 2. М., 1981. С. 228-232.

⁴⁸ См.: Артемьев А.Р. К вопросу о происхождении сибирских укреплений типа "зимовье" // Новые материалы по археологии Дальнего Востока России и смежных территорий. Владивосток, 1993.

⁴⁹ Липинская В.А. Типы застройки усадьбы русского населения Западной Сибири // Советская этнография. 1975. №5; Чижикова Л.Н. Жилище // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 244.

⁵⁰ Крадин Н.П. Оборонительные стены как элемент композиции деревянных крепостей Сибири // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. Новосибирск, 1986. С. 242.

⁵¹ Артемьев А.Р. Русское позднесредневековое зодчество и пути его развития в Сибири и на Дальнем Востоке // Освоение Северной Пацифики. Владивосток, 1996. С. 194.

⁵² Его же. Малые города Псковской земли в XIII-XV вв. // Становление европейского средневекового города. М., 1989. С. 120, 130.

⁵³ ДАИ. Т. 10. С. 315.

⁵⁴ Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. 2. С. 618, 619.

⁵⁵ Епифанов П.П. Крепости // Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. М., 1977. С. 318, 319; его же. Крепости // Очерки русской культуры XVII века. Ч. 2. С. 288, 289.

⁵⁶ Раппопорт П.А. Военное зодчество западно-русских земель X-XIX вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 140. 1967. С. 127, 129, 130, Рис. 123-125.

⁵⁷ Артемьев А.Р. История и археология Албазинского острога // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII-XIX вв. Т. 2. С. 68-69; его же. Из истории героической обороны Албазинского острога от маньчжуров // Проблемы Дальнего Востока. № 3. М., 1996.

⁵⁸ ДАИ. Т. 10. С. 253; Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. 2. С. 83.

⁵⁹ Кирпичников А.Н. Крепости бастионного типа в средневековой России // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1978. М., 1979. С. 476.

⁶⁰ Кочедамов В.И. Указ. соч. С. 72, 73.

⁶¹ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 1. СПб., 1858. С. 136, 143, 144, 152; Проскуракова Т.С. Планировочные композиции городов-крепостей Сибири // Архитектурное наследие. № 25. 1976. С. 64, 67.

⁶² Артемьев А.Р. Из истории Нерчинска // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII—XIX вв. Т. 2. С. 108-110; его же. Секретная нерчинская экспедиция 1753-1765 гг. и археологическое изучение Нерчинска // Вестник ДВО РАН. 1996. № 2.

⁶³ Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России // Записки Бурятского научно-исследовательского института культуры. Улан-Удэ. Т. 25. 1958. С. 17; [Найденов] Н.А. Сибирские города. Материалы для их истории XVII-XVIII столетий: Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886. С. 21, 23.

© 1998 г. К. НОАК*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПОВОЛЖСКИХ ТАТАР В ЭПОХУ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИЙ

(конец XIX - начало XX в.)

Отмена крепостного права, индустриализация и капитализация экономики, урбанизация и совершенствование образовательной системы в конце XIX в. основательно изменили характер многонациональной Российской империи. Интеграционные процессы, унификация административных структур охватывали и те нерусские народы империи, традиционный образ жизни которых на протяжении веков практически не менялся. Ранее остального азиатского и мусульманского населения России отреагировали на эти изменения крымские и поволжские татары, что проявилось прежде всего в движении религиозного и культурного обновления - джадидизме. После того как революция 1905-1907 гг. открыла новые возможности политического волеизъявления населения реформаторское движение заметно политизировалось, принимая зачастую черты национального, хотя в нем присутствовали и общетюркское, и чисто татарское направления. Через бурно развивавшуюся прессу и литературу татарские

*Ноак Кристиан, Кельнский университет (Германия).